

ХЁН ЧЖИНГОН

Горькие слезы стекали с лица ж
на неподвижное лицо мертвой...

УДАЧНЫЙ ДЕНЬ

ХЁН ЧЖИНГОН

УДАЧНЫЙ ДЕНЬ

Хён Чжингон

Удачный день

Серия «Корея: лучшее»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43452933

Хён Чжингон. Удачный день (сборник): АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-115246-8

Аннотация

Хён Чжингон (1900–1943) – признанный классик современной корейской литературы начала XX века, по праву считается мастером малой прозы. За яркий слог, емкость и глубину некоторые критики называют Хён Чжингона "корейским Чеховым".

В предлагаемый сборник вошли семь наиболее ярких рассказов писателя на русском и корейском языках, относящихся к раннему и среднему периодам его творчества. Издание адресовано любителям корейской литературы и культуры, а также изучающим корейский язык и призвано поближе познакомить российского читателя с истоками корейской современной литературы.

Содержание

Об авторе	5
О переводчиках	6
О книге	7
Любовные письма госпожи Б	8
Этот милый сердцу гневный взгляд	19
Сострадание	34
Удачный день	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Хён Чжингон

Удачный день (сборник)

This book is published with the support of the Literature Translation Institute of Korea (LTI Korea).

© Хён Чжингон, текст

© Ким Сонмён, Илья Беляков, перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

***

Хён Чжингон (1900–1943) – признанный классик современной корейской литературы начала XX века, по праву считается мастером малой прозы. Ярко описывая реалии своего времени, автор вместе с тем поднимает острые и по сей день вопросы человеческого существования – предопределенности жизненного пути, сложности нравственного выбора, любовных взаимоотношений. Герои рассказов Хён Чжингона обычные люди, каждый из которых ищет избавления от страданий и хочет простого человеческого счастья. Показывая привычную и порой рутинную жизнь, писатель необычайно глубоко раскрывает внутренний мир человека, обнажая его потаенные желания, чувства и страхи. За яркий слог, емкость и глубину некоторые критики называют Хён Чжингона "корейским Чеховым".

Об авторе

Хён Чжигон (09.08.1900 ~ 23.04.1943)

Хён Чжингон – корейский писатель, сыгравший большую роль в становлении современной корейской литературы начала XX века. Его творческая карьера началась в 1920 году с публикации рассказа «Жертвенный цветок». В следующем году автор публикует рассказ «Бедная жена», в котором отчетливо проявились элементы автобиографии писателя. С этого момента к нему приходит известность как мастера коротких литературных произведений – нового направления в литературе начала XX века в Корее. Все творчество писателя можно условно разделить на три периода. В ранние годы своего творчества практически все его произведения написаны от первого лица и являются очень автобиографичными («Бедная жена»). В середине своей карьеры автор описывает события уже от третьего лица, а сами произведения содержат элементы иронии и насмешки над суровой реальностью Кореи периода японской оккупации («Удачный день»). Последние произведения автора являются настоящими большими историческими романами и описывают жизнь эпохи государств Пэкче и Силла в период до X века.

О переводчиках

Ким Сонмён

Получила степень доктора наук по специальности «Русская литература» в южнокорейском университете Корё. В 2002 году основала в Сеуле культурный центр «Пушкинский дом», а в 2014 году получила Пушкинскую медаль за вклад в распространение русского языка и культуры лично из рук президента России В. В. Путина. Является переводчиком на корейский язык таких произведений, как «Белый день» Арсения Тарковского, «Господин из Сан-Франциско» Ивана Бунина, «За надолбами 38-ой параллели. Впечатления и размышления посла России в Южной Корее» Глеба Ивашенцова, «Светлый мир Натальи Бажановой» и др.

Беляков Илья

Востоковед-филолог, переводчик и журналист, проживший в Южной Корее более шестнадцати лет. Закончил Восточный институт ДВГУ по специальности «Переводчик корейского языка» и получил степень магистра филологии корейского языка в университете Ёнсе (Сеул, Южная Корея). На данный момент занимается преподаванием русского языка и журналистской деятельностью в ведущих корейских СМИ. Блогер и медиаперсона в Южной Корее, ведет активную академическую деятельность в области корееведения.

О книге

В данной книге собраны произведения известного корейского писателя начала XX века Хён Чжингона, относящиеся к раннему и среднему периоду его творчества. Оценивая его роль в становлении и развитии корейской литературы, Хён Чжингона часто называют «корейским Чеховым»; короткие рассказы, написанные очень простым языком, как в зеркале, отражают реалии времени, в котором жил писатель. Даже сейчас, в XXI веке, его произведения читаются легко и вызывают глубокое чувство сопереживания, поскольку поднимают вечные вопросы сложности внутреннего мира человека и иронии нашей с вами обыденной жизни. По мнению критиков, произведения Чехова нашли большое отражение в творчестве Хён Чжингона. Данная книга была переведена на русский язык с целью поближе познакомить российского читателя с истоками современной корейской литературы.

Любовные письма госпожи Б

О произведении

«Любовные письма госпожи Б» (февраль 1925 г.)

Этот небольшой, но довольно интересный рассказ рисует яркую картину парадоксальности и двойственности человеческой природы, доводя ее до комического эффекта. Правильнее будет рассматривать его не как описание простого противоречия между внутренним миром желаний и внешними проявлениями в поведении главной героини, а как иронию внутренней трагедии человеческой души. Написанный в духе простой детективной истории, рассказ легко читается, но при этом затрагивает серьезные проблемы человеческой психологии.

Госпожа Б работала учителем в женской школе и одновременно выполняла роль коменданта общежития при ней. Больше всего она славилась своей истовой религиозностью, крутым нравом и тем, что проживала свои дни в гордом одиночестве. На усыпанном веснушками лице этой уверенно приближающейся к сорокалетию дамы было трудно найти признаки хоть какой-то женственности, как ни старайся, а ее увядшая, сухая и грубая с желтизной кожа сильно напоминала покрытую плесенью чешую рыбы.

Весь ее облик говорил о быстро приближающейся старости.

сти, будь то морщинистый лоб, на котором уже почти не осталось гладкой и чистой кожи, или волосы, которые поредели так сильно, что уже и не росли в правильном направлении. Их невозможно было собрать даже в простой хвостик, поэтому госпожа Б просто закалывала их на затылке в неаккуратный пучок, напомилавший коровью лепешку. Юные ученицы в школе ежились и невольно сжимались в размерах от ее леденящего взгляда из-под очков для чтения и всегда плотно сжатых острых губ. От нее веяло строгостью и сухостью.

Больше всего на свете госпожа Б ненавидела любовные письма. Просто до икоты. Разумеется, любовные письма от поклонников школьницам в женском общежитии – вещь довольно частая, да и школа их была известной и славилась своими красавицами, поэтому каждый день сюда обязательно приносили по нескольку писем со страстными признаниями в любви. Вся почта, доставляемая в общежитие, всегда подвергалась тщательной проверке, и любовная переписка ее обитательниц тоже не являлась исключением, неизменно попадая на стол к госпоже Б. От слащавого тона этих писем она приходила в дикую ярость и с красным лицом и дрожащими от гнева руками трясла этими письмами перед лицом учениц.

Особенно доставалось девушкам, которые получали такие письма без какой-либо видимой причины и которые ранее не были замечены в связях с мужским полом. Сразу же после

окончания занятий в школе их вызывали в кабинет к строгой преподавательнице. В ожидании очередной жертвы госпожа Б мерила шагами свой кабинет, как тигр в клетке, всем своим видом показывая, что терпеть такое безобразие больше просто невозможно. Как только девушка осторожно входила в кабинет, госпожа Б хищно глядела ей прямо в глаза, медленно приближалась и останавливалась, только когда их лица почти соприкасались друг с другом. Не понимая, что могло вызвать столь сильный гнев, но уже заранее трясась от страха, бедная девушка невольно переходила на комариный писк.

– Вы меня вызывали?

– Вызывала! Да!

Говорила, как ножом резала. С грохотом пододвигая стул и демонстративно на него усаживаясь, госпожа Б грозно смотрела из-под очков на все еще стоящую ученицу.

– Чего замерла как статуя? Быстро села!

Ее голос повышался до крика. Некоторое время учительница и ученица без слов смотрели друг на друга через стол, в глазах госпожи Б словно читался немой вопрос: «Понимаешь ведь, зачем я тебя позвала?» Через какое-то время она доставала любовное письмо из ящика стола, трясла им перед лицом девушки и начинала допрос.

– Как думаешь, кому пришло это письмо?

Так как на конверте крупными буквами было выведено имя девушки, отпираться было бесполезно.

– Мне...

За этим незамедлительно следовал вопрос об отправителе. Ни адреса, ни имени отправителя на таких письмах почти никогда не стояло, и понять, от кого оно пришло было сложно, поэтому, как только девушка робко заикалась о том, что она и знать не знает, кто мог его прислать, госпожа Б тут же язвительно переспрашивала:

– То есть письмо пришло тебе, а ты даже не подозреваешь от кого оно?

После этого она заставляла учениц читать письмо вслух прямо при ней. Дрожащим голосом девушки декламировали сладкие, как мед, строчки, отчего гнев госпожи Б только рос, как и ее твердое желание докопаться до истины и узнать отправителя. И все робкие заверения молодых учениц, что все это – проделки совершенно неизвестных им особ, о которых они ничего и слыхом не слыхали, и оправдания, что их вины тут нет совсем, разбивались о стену неверия и праведного гнева. На головы девушек обрушивались настоящие потоки угроз и увещаний: скажи лучше по-хорошему, а то ведь так и до исключения из школы недалеко, да разве будет кто-то писать письма, если он даже адресата лично не знает, не дай бог случилось что-то непристойное, раз пишет, значит, где-то встречались, рассказывай, где, когда и как это произошло... Если девушка делала робкое предположение, что, возможно, это кто-то, с кем она познакомилась во время концерта, прошедшего недавно в школе, или, может быть,

на ярмарке в деревне кто был, то госпожа Б тут же с дотошностью полицейского вгрызалась в мельчайшие подробности этих возможных сценариев: кто это был? Как он на тебя посмотрел? Что сказал? С каким выражением лица? После такого допроса девушки выходили из кабинета и чувствовали себя, словно у них только что отняли лет десять жизни, не меньше.

После пары часов допроса начинались наставления и нравоучения: и что мужчинам ни в коем случае нельзя верить, и что они созданы исключительно для того, чтобы сбивать нас, женщин, с пути истинного, и что все эти рассказы о свободе и священном таинстве любви – все это от лукавого... После этой проповеди госпожа Б заставляла девушек становиться на колени прямо на немый пол (а пол был грязный, потому что спала она на кровати, а не на полу) и истово молиться. Поминая имя Всевышнего к месту и не к месту чуть ли не после каждого слова, до красноты в глазах с фанатичной рьяностью она просила Его о спасении заблудшей души бедной овечки и ограждении ее от соблазнов, которые ниспослал на нее дьявол.

Следующим после любовных писем ненавистным делом для госпожи Б были посещения общежития представителями мужского пола. И тут в ход шли любые отговорки, лишь бы не пропустить никого внутрь. Исключений не делалось ни для кого, будь то даже родной отец или брат. Всех их разворачивали назад со словами, что правила общежития не до-

пускают, школьницы на уроках, все заняты... и так далее и тому подобное. Даже директор школы несколько раз делала госпоже Б замечания, что, мол, может, не стоит так уж строго, но на ситуацию это никак не повлияло: абсолютно все посетители мужского пола всегда уходили из общежития ни с чем.

Но вот с осени этого года в общежитии начали твориться странные дела. Точнее даже не «начали твориться», а «вылезли наружу», потому что никто точно не знает, когда на самом деле все началось.

А происходило вот что: как только опускалась ночь и все обитательницы общежития погружались в глубокий и сладкий сон, откуда-то начинали доноситься звуки едва различимого хихиканья и тихого перешептывания. И случалось это не раз, и не два; тихие и журчащие, как ручеек, звуки слышались ученицам в общежитии часто. И непонятно было, сон это или явь, доносятся ли звуки с гор, окружавших общежитие, сквозь шелест деревьев и слабые взмахи птичьих крыльев в глубокой тиши ночи или источник их находится прямо в здании общежития. Ничем другим, кроме как проiscaми нечистой силы, объяснить сей феномен было невозможно. Случалось, что какая-нибудь девушка просыпалась посреди ночи, вслушивалась в эти странные звуки и, дрожа от страха, пыталась разбудить соседку, которая, как назло, спала в тот момент так крепко, что не добудиться ее было. Звуки то становились четче, словно приближаясь, то снова исчеза-

ли вдали. То ли ясная и тихая ночь доносила их из соседней деревни, то ли это кто-то бормотал во сне на другом этаже общежития, но в конце концов девушка снова засыпала под этот монотонный и убаюкивающий шелест голосов, успокоившись, что ничего страшного не происходит.

Наконец, пришло время для ответа и на эту загадку. В одну из ночей случайно проснулись три ученицы, спавшие в одной комнате. Одна из них встала для того, чтобы сходить в туалет, и, услышав тихие и странные звуки, тут же разбудила своих соседок по комнате.

– Ого, это еще что за звуки? Да еще и среди ночи? – округлились от страха глаза у первой девушки.

– Я тоже вчера ночью их слышала! Уж не домовой ли у нас завелся? – потирая глаза, ответила вторая девушка.

Третья девушка, будучи самой старшей из всех (хотя и ей было всего восемнадцать) и самой озорной и смешливой, молча прислушивалась к звукам, будто не слыша своих соседок.

– Действительно странно. Кажись, я тоже слышала эти звуки раньше. Может, это кто-то разговаривает в другой комнате?

В этот момент сквозь ночную тишину до них донесся ясный и звонкий девичий смех. Все три школьницы одновременно вздрогнули и наострили уши. В полной тишине и спокойствии глубокой ночи этот звук был слышен особенно отчетливо.

– Ах, ну что же вы, ей-богу... – девичий голос где-то неподалеку дрожал от истомы.

– Ради вас, сударыня, я готов на все! Ну теперь-то вам открылась вся глубина той любви к вам, что пылает у меня в груди? – юношеский голос перехватывало от бушующей в нем страсти.

На некоторое время воцарилась тишина...

– Ах, перестаньте! Не затянулся ли наш поцелуй? А вдруг кто-то увидит? – послышался игривый женский голосок.

– Не кажется ли вам, что чем дольше, тем лучше? С вами даже поцелуй длиной в целую вечность не покажется мне долгим! Но если вы так настаиваете... – голос юноши, исполненный кипящего желания, потонул в звонком девичьем смехе.

И без всяких объяснений было ясно, что где-то рядом воркуют двое влюбленных. Но как такое было возможно в этом женском общежитии с его строжайшими запретами и почти армейским надзором? Три девушки в недоумении переглядывались между собой. Удивление и страх на их лицах постепенно сменились блеском любопытства в глазах. В головах всех трех начали рисоваться разные «романтические» сценарии: вот молодой юноша, сгорающий от полыхающего в его груди огня страсти, едва дождавшись ночной тишины и не в силах больше терпеть, тайком перелезает через стену, ограждающую женское общежитие от внешнего мира. Вот молодая девушка, дождавшись, пока во всем здании погас-

нут огни и все обитательницы погружаются в сладостный сон, тихонько приоткрывает окно своей комнаты и взмахом белого как свет луны полотенца подает сигнал своему ночному визитеру. А затем, совсем как в кино, закрепив один конец импровизированного каната из сплетенных вместе занавесок, она легонько выкидывает другой конец в сад, где его тут же подхватывают страждущие руки, и юноша, словно тень, скользит по стене общежития, ловко и проворно забираясь внутрь через окно. А потом из комнаты доносятся тихие и исполненные страсти голоса двух воркующих влюбленных, лишь изредка нарушая тишину ночи...

Сладостное чувство окутало девушек, словно туман, и за сверкало перед глазами, словно радуга. Их щеки ярко заалели, а глаза заблестели. Откуда-то снова донеслись звуки девичьего голоса.

– Ах, ну хватит, хватит уже! Вы мне не нравитесь...

На этот раз в голосе девушки послышались прохладные нотки.

– Мой ангел, мое небо, моя королева, моя жизнь, моя любовь, спасите же меня, помогите мне...

Голос молодого человека был полон нежности и жадной настойчивости.

– Может, сходим, посмотрим? – предложила самая старшая девушка, поднимаясь с кровати. Две другие неуверенно последовали за ней, обменявшись взглядами, в которых одновременно смешались сомнение, страх и любопытство,

но в конце концов все трое тихонько приоткрыли дверь и выскользнули из комнаты. Тише муравьев темными тенями вдоль стен они легко заскользили по коридору в сторону доносящихся до них звуков.

Найти комнату, из которой слышались голоса, было не трудно, но перед дверью этой комнаты все трое резко замерли от удивления, словно высеченные из дерева фигуры. Они даже и представить себе не могли, что странные звуки могут проникать из-под двери в комнату смотрительницы общежития! Той самой госпожи Б, которая на словах так ненавидела всех представителей мужской половины человечества!

А из комнаты тем временем продолжали долетать звуки тихого мужского голоса, ласково, но настойчиво уговаривающего свою собеседницу.

– Мой ангел, мое небо, моя королева, моя жизнь, моя любовь, неужели вы позволите мне погибнуть без вашей любви? Неужели вы сможете причинить мне такую боль? Мое сердце – на ваших устах...

Старшая девушка легонько приоткрыла дверь на самый чуток, и три пары глаз с жадностью заглянули внутрь комнаты. Их взору открылось удивительное зрелище: в комнате все еще горел свет, а на кровати большими стопками лежали те самые любовные письма, адресованные обитательницам общежития. И прямо посреди этой горки из писем на кровати восседала госпожа Б – совершенно одна. Руки ее были вытянуты вперед, словно она обнимала кого-то невиди-

мого, очки лежали рядом на кровати и близорукие глаза с истомой смотрели в пространство прямо перед собой, губы нежно вытянулись вперед в трубочку, а лицо слегка склонилось набок в томном ожидании поцелуя. Из ее горла раздавался тот самый «юношеский» голос, который слышали три девушки. Но почти сразу, без какого-либо предупреждения ее голос внезапно изменился на игриво-женский, она кокетливо оттолкнула невидимого гостя и с придыханием произнесла уже высоким девичьим голосом.

– Ах, ну хватит, хватит уже! Вы мне не нравитесь...

Засмеявшись высоким голосом, она схватила одно из писем, что были в беспорядке разбросаны по кровати, и поднесла его к своему лицу, глубоко втянув носом запах бумаги.

– Взаправду говорите? Любите меня так сильно? Больше жизни своей? Меня? Именно меня?

Ее голос дрожал, словно она вот-вот разразится плачем.

– Чего это с ней? – прошептала первая девушка.

– С ума, что ли, сошла? Одна посреди ночи, и такое! – подхватила вслед за ней вторая.

– Даже жалко ее как-то, – сказала третья девушка и смахнула непонятно откуда выступившую на глазах слезинку.

Этот милый сердцу гневный взгляд

О произведении

«Этот милый сердцу гневный взгляд» (февраль 1924 г.)

В этом произведении затрагивается новая для времени писателя социальная проблема общества – совместное самоубийство двух влюбленных. Повествование идет от первого лица девушки-кисэн, описывающей происходящие с ней и ее мужем события, и рассказывает историю любви с неожиданным финалом, полную противоречивых моментов: от предательства и лжи до проявления искренних чувств. Толкование рассказа может быть разным, но простота и глубина задумки автора не может оставить читателя равнодушным.

Мне было девятнадцать лет, когда мы начали жить вместе. И не смейтесь, что так говорит женщина, которой еще и тридцати нет. Двадцать лет для кисэн – это то же, что шестьдесят для обычного человека, ну а в тридцать – вы уже старая столетняя бабушка. К чему это я? А к тому, что тогда я была совсем не дурна собой, мои теперь уже синеватые губы тогда были розовыми, а пухленькие щечки алели здоровьем. Это сейчас меня обзывают скелетом, а тогда у меня было полное во всех нужных местах тело и белая кожа, я была прекрасна в любой одежде, а походка моя была изящной и утонченной.

Я превосходно пела и танцевала не хуже, чем другие. Я была довольно известна в кругах кисэн, а потому наслаждалась своей роскошной жизнью и все мои клиенты очень любили меня. Но что-то я отвлеклась, знай, себя только нахваливаю.

Так или иначе, и у меня было свое время. Не проходило ни одного дня, чтобы за мной не присылали извозчика, а согласившись и отправившись развлекаться, я никогда не возвращалась домой раньше полуночи. Но даже тогда спать я ложилась редко, потому что или дома меня уже ждал гость, или я сама возвращалась домой с гостем, и вся ночь проходила еще более утомительно для моего и так уже утомленного тела. Лишь после рассвета наступало мое время, время для отдыха, когда я могла немного расслабиться и поспать. Но даже тогда вереница посетителей не прекращалась, в дверь постоянно стучали, приглашали погулять по садам, полям, храмам. Как тут не устать? Гулять – это тоже тяжелый труд. У меня постоянно ныли ноги и гудело все тело, и гулять совсем не хотелось. Я лишь с сожалением вздыхала, мечтая о том времени, когда все оставят меня в покое и я смогу нормально отдохнуть.

Примерно тогда передо мной появился он. Старше меня на четыре года, он был красив собой, щедро сорил деньгами и полностью, без остатка, отдавался развлечениям и кутежу. Он мне нравился. Кажется, я тоже была ему небезразлична. Когда отношения между нами начали перерастать во что-то более серьезное, он стал настаивать на том, чтобы мы

жили вместе. Жизнь кисэн мне уже начинала надоедать, он мне пришелся по душе, поэтому я ничего особо против и не имела, но по привычке еще некоторое время водила его за нос и кокетливо уходила от прямого ответа. Выудив из него целую тысячу вон, я отдала их маме, а сама, словно нехотя, согласилась и стала жить с ним под одной крышей.

Он любил меня страстно и беззаветно и был готов пожертвовать всем ради меня. До встречи со мной у него явно были женщины, но поскольку он был еще совсем юн, в нем присутствовала та самая искра молодости и искренности. Он вслепую доверял всему, что я говорила, хотя я частенько ему лгала. Ни разу не отказал он мне ни в одной моей просьбе. Быстро это смекнув, я начала требовать все, что моя душа желала. Я заставила его переписать его дом на мое имя, купить мне шкаф и вешалку для одежды из перламутра, большое зеркало на стену, множество самых разных тканей, шелков, заколки и украшения для волос под каждый мой наряд, а также пару раз в неделю дарить мне кольца: золотые, жемчужные, с драгоценными камнями, которые продавались в ювелирных лавках на Чинкоге¹. Я постоянно выуживала у него деньги под самыми разными предлогами: то у мамы моей был день рождения, то у родственников свадьба, то на торговлю мне нужен был капитал, то долг кое-кому вернуть. Не хочу оправдываться, но мое такое поведение было не только

---

¹ Чинкоге – район в старом Сеуле со множеством небольших лавок и магазинов, где продавались, в том числе, и дорогие ювелирные украшения.

следствием моего же корыстолюбия или жадности. Мне было приятно и интересно просить его купить мне что-нибудь. Это был мой способ позаигрывать с ним и показать ему свою благосклонность. Мне было интересно посмотреть, насколько он любит меня и готов ли удовлетворить все мои желания. И когда мои ожидания оправдывались, я чувствовала себя по-настоящему счастливой. Ну и мама мне на ухо тоже нашептывала, конечно...

Деньги, которые он так легко тратил, были не его, а отцовские, которые он постоянно брал в долг. Бесконечно это, разумеется, продолжаться не могло: уже через три месяца нашей совместной жизни я почувствовала, что мы уверенно движемся в финансовый тупик. Сына своего отец любил, но сколько можно было его содержать. К тому же мой свекор был известным на всю округу скрягой, и, думается мне, он и так долго терпел выходки своего сына.

И вот однажды чаша терпения переполнилась.

– Видеть тебя больше не хочу! Ты мне больше не сын, и меня не волнует, где ты и что делаешь.

Такая угроза срывалась с его губ и раньше, но сейчас, похоже, он был непреклонен в окончательности своего решения.

Кредиторы налетели на нас со всех сторон как рой пчел. У двери нашего дома денно и ночью дежурили люди из ресторана, ювелирной лавки, магазина с шелком, даже от ростовщика. Будучи единственным сыном богатых родителей, он

никогда не бывал в подобной ситуации, поэтому его теперь повсюду сопровождали нервозность и страх. Стоило звукам шагов раздаться за дверью, как его голова вжималась в плечи, а лицо бледнело. И каждый раз мне было жаль видеть его таким. Ведь это из-за меня он испытывал такие трудности. Но он, тем не менее, ни разу не высказал никаких претензий и не проявил свою ненависть ко мне. На него было жалко смотреть, и во мне заговорили угрызения совести.

– Тяжело же вам приходится из-за меня? Это я во всем виновата...

– Да ты что? И вовсе ты не виновата, это все я... – он от стыда опускал голову.

А ситуация тем временем становилась все более критической. Внезапно выяснилось, что совсем недавно, поддавшись соблазну и уговорам своего приятеля, он подделал личную печать своего отца и взял под его имя деньги в долг. Тот, кто дал ему эти деньги, разумеется, знал о подлоге, но сейчас, когда отец наотрез отказался отдавать долг назад, бросился угрожать доносом в полицию, мол, я там все расскажу и о поддельной печати, и о твоём мошенничестве, если не вернешь все до последней копейки в течение недели. Мягкий и нерешительный по своему характеру, он весь извелся и даже лицом пожелтел. Несколько раз он пытался уговорить мать, чтобы она убедила отца, и даже пытался поговорить с отцом лично, но по его нахмуренным бровям и опустившимся плечам было понятно, что цели своей он не достиг. Он то и дело

нетерпеливо вскакивал с места, затем снова садился, снова вскакивал, и нервно расхаживал по дому, не зная, что делать.

Он мог в течение долгого времени сидеть совершенно неподвижно, словно каменное изваяние Будды, рассеянно слушая ветер и полностью погрузившись в свои мысли.

Наступил вечер предпоследнего дня той самой недели, которую ему отмерили кредиторы. На высоком летнем небе висела яркая луна. Поужинав, мы вышли на улицу, сели на скамейку и начали смотреть на луну. Приятное воспоминание неожиданно всплыло у меня в голове.

– В прошлом году в это время мы катались по реке Ханган...²

Перед моим взором предстали набегающие прохладные волны реки и корабль, разбивающий собственную тень на воде. Мне вдруг стало жарко и невыносимо тоскливо на душе. Но даже при всем моем бесстыдстве, у меня не хватало совести просить его отвезти меня покататься на лодке. Он вон даже голову не мог толком поднять на луну, весь в раздумьях о своих долгах, о какой прогулке могла идти речь?

– Такой красивый вечер, а я сижу дома и даже выйти не могу...

Я уже скучала по бурной жизни кисэн. Сожаление о своем решении начать замужнюю жизнь накрыло меня с головой. Откуда-то слышался плач, а когда я обернулась, то увиде-

---

² Ханган – река в центре нынешнего Сеула. Во времена, описываемые в рассказе, она была еще за пределами города.

ла, что это плачет он.

– Почему вы плачете?

Он не сразу ответил. Всхлипывания мешали ему связно говорить.

– Если я сяду в тюрьму, ты... ты снова станешь кисэн?

Он посмотрел на меня со слезами на глазах. Внутренне я вздрогнула. Как это он так точно угадал мои мысли? Внешне же я, как опытная женщина, вежливо удивилась.

– Что это вы такое говорите?

– Ну, если я буду в тюрьме, ты, наверное, снова будешь пользоваться большой популярностью у других мужчин!

Мне было, конечно, немного жалко, что он будет сидеть в тюрьме, но говорил он все верно. Вслух же я сказала совершенно другое.

– Какие глупости! Пусть даже вас и посадят в тюрьму, но ведь это не значит, что я больше не ваша! Разве я могу снова вернуться к судьбе кисэн? Я лучше буду жить в доме вашего отца и дожидаться вас.

С моих уст словно стекал сладкий мед. Он, кажется, был потрясен моими словами.

– Это правда?

– Конечно, правда!

– Ты будешь ждать меня, хранить верность и не встречаться с другими, пока я буду в тюрьме?

– Именно так, буду ждать вас и хранить верность только вам.

Я послушно повторила за ним его слова, а самой внутри стало смешно от слова «хранить верность». Будто какой рассказ из средневековья читала, ей-богу.

– А если я не пойду в тюрьму, а умру?

Он пристально посмотрел на меня. Его взгляд был необычно острым, поэтому я отвернулась от него.

– Тогда я тоже умру вместе с вами.

Какой же я нехороший человек! Я тихонько запела народную песню, в которой говорилось о верности жены своему мужу. Услышав, как я пою, он вдруг резко вскочил на ноги, словно приняв какое-то важное решение.

– Пойдем внутрь дома, я хочу поговорить с тобой.

Наверное, помиловаться хочет напоследок, подумалось мне. В нем все еще оставалась какая-то непонятная стеснительность, он даже за руку не мог меня взять при людях, поэтому все проявления чувств у нас всегда происходили за закрытыми дверьми. А в последнее время он ластился ко мне постоянно, из-за всех его сложностей с финансами. Смекнув, что и в этот раз он позвал меня в комнату с этой целью, я сначала хотела немного поломаться из кокетства, но потом вспомнила его слезы, пожалела его и вошла в комнату вслед за ним. Он тут же закрыл за нами дверь. Ну что ж, похоже, я не ошиблась в своих предположениях.

– Зачем вы закрываете дверь, июнь на дворе? Жара невозможная...

Он никак не отреагировал на мои слова. Раньше он бы

начал усиленно подмигивать и махать руками, мол, тише, но сейчас он просто сидел напротив меня с непроницаемым и серьезным выражением на лице. Через некоторое время он совершенно спокойно произнес:

– Зачем нам жить на этом свете, унижаясь? Какое удовольствие от такой жизни? Может, нам лучше умереть?

«С ума, что ли, сошел, – про себя подумала я, – С какой стати мне умирать?». Но вслух легко согласилась:

– Конечно, лучше умереть!

– Ты согласна умереть вместе со мной?

– Умереть вместе с вами станет желанным избавлением для меня!

– Я тоже ни о чем не буду сожалеть, если ты будешь рядом со мной.

Его голос дрожал. Я тоже добавила нотку дрожи в свой голос.

– И я не буду ни о чем сожалеть.

– Мне приятно это слышать, но правда ли это? Ты действительно согласна умереть вместе со мной?

– Отчего же столько сомнений в вашем голосе? Если я говорю, что согласна, значит, согласна. Вы что же, не верите мне?

Я сделала вид, что его слова разозлили меня. Вся ситуация меня очень забавляла, я чувствовала себя, словно играю в театре на сцене. О смерти я и не помышляла, но стало приятно, что мне удалось выразить свои чувства к нему. Он рез-

ко поднялся с места, видимо, решив, что хватит разговоров, принес свою сумку и достал из нее белый пакет. В пакете оказались две таблетки, каждая размером с орех каштана.

«Это же опиум!»

Я немного удивилась, но не испугалась. Я уже несколько раз наблюдала, как он показывал эти таблетки своей матери, угрожая, что выпьет их, если отец не даст ему денег. И угрозы эти работали, родители ему действительно давали денег после этого. Поэтому страшного ничего в том, что он эти таблетки вынул, не было. Страшно немного стало от того, что он вынул их после предложения умереть вместе. Он достал бутылку с водой, и по лицу его начали стекать крупные слезы. В этот момент мое сердце заняло от нехорошего предчувствия.

Он долго смотрел вниз, на лекарства, и плакал, но затем неожиданным резким движением закинул одну таблетку себе в рот, а другую протянул мне. Я тоже без колебания положила ее в рот. Он пальцами указал мне на бутылку с водой. Я послушно взяла бутылку и сделала большой глоток, но, естественно, проглотила только воду, оставив таблетку лежать под языком. Умирать в мои планы не входило. Мы живем вместе, поэтому я искренне сочувствовала его сложной финансовой ситуации, но, несмотря на то что из-за этого наша жизнь была далеко не роскошной, впадать в крайности причин у меня тоже не было. Если будет трудно жить с ним, я могу снова стать кисэн, вот и все. Мне уже и так начало на-

доедать жить вдвоем с кем-то, поэтому я частенько скучала по своей прошлой жизни, с нежностью вспоминая, как мужчины любили меня, как я наслаждалась размеренной и богатой жизнью, как я мечтала о роскоши и достатке для себя в будущем. С чего бы у меня возникало желание умирать? К тому же, дело было еще и в том, что я не до конца верила в его смерть. Я думала, что он просто шутил, и после всего этого спектакля с таблетками все снова пойдет по-старому, с выпрашиванием денег у родителей, или у него, может, еще что было заготовлено. Поэтому, наоборот, я даже обрадовалась, что завтра или послезавтра привезут деньги от его родителей, и я опять смогу наслаждаться нормальной жизнью. Хотя, конечно, тот факт, что теперь у нас в сценарии шантажа родителей фигурировал яд, меня немного пугал.

Но что же это такое? Увидев, что я выпила воду, он словно успокоился, взял бутылку из моих рук, и, сделав большой глоток, проглотил лекарство. В том, что он его действительно проглотил, сомнений не оставалось: я отчетливо увидела, как большая таблетка прошла по горлу, как покраснело его лицо, как затряслись его плечи и вздулись вены на шее. Он сразу же упал на пол. Вряд ли это таблетка так быстро подействовала, скорей всего, он потерял сознание из-за шока.

Разумеется, я испугалась такого неожиданного развития событий, хотя для него оно, наверное, и не было таким неожиданным. Он умрет по-настоящему! Стоило этой мысли пронзить мой мозг, как всю меня до самой глубины по-

трясло какое-то совершенно новое для меня чувство. Я же просто девятнадцатилетняя девушка! Я впервые сталкивалась с таким событием в своей жизни. Не было сил даже закричать или как-то еще отреагировать, поэтому я тоже упала на пол, словно умирала вслед за своим мужем...

Спустя некоторое время он так же неожиданно поднялся на ноги и забегал по комнате туда-сюда как сумасшедший. Слух, что приняв опиум, можно спокойно умереть во сне, был явным преувеличением. Он тяжело дышал и бил себя в грудь, словно что-то давило на нее изнутри. Затем он вдруг вставил два пальца в рот и попытался вызвать рвоту. Кажись, из-за тяжести и давления в груди его твердое решение умереть испарилось как дым и теперь все, чего он хотел, это вернуть лекарство обратно на свет божий. Но оно не выходило.

С одной стороны, было страшно смотреть на него такого, но, с другой стороны, мне было невыносимо больно на душе. Разве это не я виновата в его муках? Ведь это на меня он потратил все свои деньги и именно из-за них влез в долги, а теперь дошло и до попытки самоубийства. Если не я, то кто в этом виноват? И тем не менее я обманывала его до самой смерти. Я обманула его тем, что притворилась умирающей. Ведь если бы я не сказала, что умру вместе с ним и отговорила его, он бы не умирал сейчас у меня на глазах. Он бы не испытывал такие страдания. А теперь нет никакой разницы с тем, как если бы я убила его своими руками. Тогда-то я, разумеется, рассуждала вполне рационально, но сейчас не

могла смотреть на его мучения. Я содрогнулась всем телом и закрыла глаза. В этот момент что-то дотронулось до моего плеча. Я снова открыла глаза и увидела, что он сидел рядом со мной на полу и смотрел на меня затуманенным взглядом. Я вся содрогнулась от страха, и мурашки забегали по спине.

Увидев, как я поднимаюсь на ноги, он произнес просящим тоном.

– Тебе тяжело? А все из-за меня, все напрасно...

Его речь была несвязной, а из глаз капали слезы. Его слова проникали глубоко в меня, словно пронзая собой всю меня насквозь и заставляя дрожать от страха. Горячие слезы полились и из моих глаз. Он вплотную подошел ко мне, одной рукой обнял меня за шею, а другую нежно прижал к моим губам. Он стремительно умирал, уже был почти мертв, но весь страх, который я испытывала до этого, начал неожиданно отступать.

– Выплюнь, скорее выплюнь!

Он силой вложил свои пальцы мне в рот. В этот момент мысль о таблетке у меня под языком пронзила меня насквозь, и слезы тут же высохли. Я была потрясена его поступком, силой его любви ко мне и его попыткой вернуть все назад, и показывать лекарство у себя во рту не хотелось до жути. Уж лучше б я его проглотила! Я попыталась сглотнуть таблетку, но она была такая большая, а слюны было так мало, что сделать это быстро и незаметно мне не удалось. Тем временем он уже нащупал таблетку у меня во рту и вытащил

ее наружу. Выражение его лица при этом я уже не смогу забыть, наверное, никогда.

Его милое лицо исказилось настолько, что в это было сложно поверить. Мне даже словами это выразить тяжело. Наверное, так будет выглядеть лицо мужа, заставшего свою жену в объятиях другого мужчины? Это был гнев в чистом виде. Злоба во всей ее красе. Любой, кто увидел бы, как он стиснул зубы, испугался бы до смерти. И самое страшное в его лице – это были его глаза. Его глаза, в которых всегда плескалась улыбка, раскрылись так широко, что, казалось, это глаза не человека, а бешеной собаки. И каждый раз, когда я вспоминаю эти глаза, у меня мурашки бегут по телу. Жизнь ушла из его тела, но бешеные глаза так и остались навеки широко раскрытыми.

Разумеется, я и сама не идеал. Я ужасный человек, который обманывал его до самой его смерти. Но разве это не он спрашивал, тяжело ли мне? Разве это не он хотел, чтобы я выплюнула таблетку? Разве не он сам засунул свои пальцы мне в рот, чтобы достать это проклятое лекарство? И тогда, раз он увидел, что я так и не проглотила эту таблетку, разве не должен он был радоваться за меня? Если он так любил меня и хотел меня спасти, невзирая на то что сам был в шаге от смерти! Это ли не радостная новость для него? Отчего же он тогда так гневался и так страшно смотрел на меня? Оставив в стороне то, что сделала я, он в тот момент поступил очень холодно. Точнее даже не холодно, а неожиданно. Но теперь

каждый раз, когда я вспоминаю его глаза, мне одновременно страшно, но приятно. Я очень скучаю по нему.

Сострадание

О произведении

«Сострадание» (1926 г.)

Это очень короткий, но очень яркий рассказ, в основу которого легла нравственная проблема, знакомая, пожалуй, каждому человеку на нашей планете: колебания о правильности принятого решения. Краткость, точность и актуальность сути проблемы, выписанные писателем, хорошо характеризуют его талант. Как и в других произведениях Хён Чжингона, ирония присутствует и здесь, рисуя бесконечную борьбу доброго и злого начал в характере человека, а также то, что добрая половина далеко не всегда побеждает и может быть нравственно неправильной в зависимости от ситуации.

На дворе стоял декабрь по лунному календарю. Прошел сильный снег, следом – дождь, а после дождя резко похолодало, поэтому все дороги превратились в сплошной каток.

В тот день мне нужно было съездить по делам моей школы. Выйдя из трамвая возле ворот Кванхвамун, я решил осчастливить какого-нибудь нуждающегося и найти себе личного извозчика, раз уж мою поездку все равно оплачивал не я сам. Маршрут у меня был довольно простой: сначала от дворца Юксангун подняться на гору ко второй государственной высшей школе, а на обратном пути заехать в

две женские школы, Чинмён и Пэхва. Поэтому я спросил у извозчика, сколько он хочет за дорогу туда и назад до второй высшей школы.

– 80 чон³ будет в самый раз.

Выглядел извозчик неважно, словно уже успел с утра принять на грудь: на красном словно панцирь вареного краба лице красовались громадные коровьи глаза, в которых отчетливо просматривалась деревенская недалекость и какая-то мягкая простота.

Сумма, которую он назвал, была намного меньше моих ожиданий, поэтому я без раздумий забрался в его повозку.

– На обратном пути надо будет заехать еще в пару мест, но не беспокойся, я заплачу ровно, сколько просишь.

– Как прикажете.

С этими словами извозчик подхватил оглобли повозки и резво побежал вперед в сторону западных ворот дворца Кёнбоккун.

После визита во вторую высшую школу и женскую школу Чинмён я приказал доставить меня в женскую школу Пэхва, располагавшуюся на вершине холма Пхирундэ.

Дорога туда вела узкая, со множеством камней и ухабов, к тому же еще и покрытая небольшой коркой льда, поэтому повозка то и дело сильно кренилась, а ноги извозчика постоянно то подворачивались, то разъезжались в разные стороны. Погода стояла холодная, но по шее извозчика катились

---

³ Чона – денежная единица, 100 чон = 1 вона.

крупные капли пота. Мы почти добрались до школы, когда перед нами появился очередной подъем. Повозка едва-едва ползла вверх по склону, мужчина выбивался из сил, и я не выдержал.

– Давай я здесь сойду.

Ответа я не дождался. Извозчик продолжал на последнем издыхании тащить повозку за собой в гору. Похоже, он испугался, что если сейчас он примет мое предложение, то я воспользуюсь этим и заплачу ему меньше. А если он благополучно довезет меня до самого верха, то сможет сказать «Ну вот видите, как мы сюда доехали-то непросто!» и попросить накинуть еще немного сверху.

Ну, если он действительно так думает, то и мне нет никакой необходимости его жалеть и заниматься благотворительностью. Остаток дороги до самого верха я провел в полном молчании.

Ничего интересного по дороге туда не произошло. А вот уже на обратном пути после того, как я сходил в школу и завершил там все свои дела, ситуация не оказалась столь успешной. По дороге вниз я снова повторил свое предложение извозчику, но тот снова не удостоил меня ответом. Колеса повозки угрожающе поскрипывали, а ноги извозчика мелькали как спицы в колесе велосипеда.

«Не слишком ли он быстро спускается?»

Не успел я додумать эту мысль до конца, как меня словно подхватил ураган и с силой швырнул в сторону. В следующее

мгновение я обнаружил себя лежащим на обочине дороги. Немного расплывающимся взором я увидел, что повозка лежала на боку на противоположной стороне дороги, а извозчик, сложившись пополам, словно акробат, выделяющий сложный трюк, лежал неподалеку.

Я медленно поднялся с земли и стряхнул грязь с одежды. Рядом со мной так же отряхивал с себя грязь извозчик.

– Вы не ушиблись?

– Нигде не ушибся?

Убедившись, что мы оба в порядке, мы одновременно посмотрели на повозку. Оглобли были сломаны, бока погнулись, колеса тоже потеряли свою изначальную круглую форму и деформировались.

– Вот же ж незадача, чтоб ее налево!

Извозчик продолжал бормотать про себя проклятия все время пока вытаскивал повозку обратно на дорогу и осматривал повреждения. В его глазах можно было без труда угадать наворачивающиеся слезы...

Некоторое время я стоял рядом и молча наблюдал за ним. У меня на душе тоже было беспокойно, ведь, несмотря на то что авария произошла из-за его неосторожности, часть вины лежала и на мне.

– Сколько попросишь-то? – наконец, спросил я.

– Сколько дадите, столько и возьму. Сейчас самое занятое время года, а тут повреждений вон на десять, не меньше, – глаза извозчика не отрывались от разбитой повозки.

– Ну, так надо было высадить меня, когда я просил-то.

Бросив эту фразу с осуждением, я сунул извозчику одну вону и, не оглядываясь, быстро зашагал прочь, боясь, что он затеет спор о деньгах. Но не успел я пройти и десятка шагов, как на меня навалилось такое тяжелое чувство вины, что стало не по себе. Казалось, что вина эта зародилась прямо в сердце и оттуда рвется наружу. Осознанное нежелание того, чтобы извозчик не попросил побольше денег за свои труды явно и отчетливо присутствовало во мне, а я самым недобросовестным образом переложил вину на его плечи, бросив ту небрежную фразу, когда отдавал деньги, и теперь чувствовал вину за то, что предал свое же чувство сострадания к бедному человеку. Я был противен сам себе за то, что (осознанно или нет, не важно) как щитом прикрылся отговоркой «Я же предлагал высадить меня!» в то время как извозчик, ради того, чтобы заработать свои деньги, пошел на риск и потерял все. От этой мысли стало еще невыносимее.

Удачный день

О произведении

«Удачный день» (июнь 1924 г.)

«Удачный день» – это самое известное произведение Хён Чжингона, рассказ, входящий в обязательную школьную программу в Корее. Основная тема рассказа – парадокс человеческой жизни, один день из жизни простого бедняка, который начался с невероятной удачи, а закончился страшной трагедией. Само название рассказа искусно обыгрывает иронию ситуации, в которой оказался главный герой. «Удачный день» – крайне важное для корейской литературы произведение. На момент написания рассказа Корея была аннексирована Японией, и писатели того времени в большинстве своем пытались выразить бессилие и отчаяние интеллигенции в колонизированном государстве, и уйти от жесткой реальности, создавая простые романтические истории о любви. Хён Чжингон же впервые описал жизнь обычного бедняка того времени как она была, без прикрас и преувеличений, положив начало течению реализма в корейской литературе.

Серое и низкое небо, казалось, вот-вот разродится снегом, но в итоге закапал мелкий и противный холодный дождь.

Для Ким Чхомчжи, который служил рикшей, этот день

был, как никогда, удачным. Утро началось с того, что он довез хозяйку соседнего дома в центр города (хотя и сами они жили вовсе не на окраине), а потом начал бесцельно слоняться возле остановки трамвая, провожая просящим взглядом всех прохожих. В конце концов, в его повозку уселся важного вида господин, который выглядел как учитель, и Ким Чхончжи довез его до школы Тонгван.

За первую поездку он получил 30 чон, за вторую – 50. Не так уж плохо для одного утра и для такого неудачника, как он. Удача была действительно неплохая, учитывая, что вот уже почти десять дней он не держал вообще никаких денег у себя в руках, и теперь, чувствуя в ладонях приятную тяжесть никелевых монет, он ощущал себя до слез счастливым. Для него эти 80 чон имели особое значение. Теперь он мог не только промочить горло дешевым вином этим вечером, но и купить своей болеющей жене тарелку соллонтхана⁴.

Вот уже больше месяца его жена страдала от сильного кашля. У них не было денег даже на самый дешевый рис, что уж говорить о лекарствах. К тому же Чхончжи был полностью уверен, что болезни нельзя потакать и баловать ее лекарствами: ее извращенная жадность от этого только приходит в еще большее возбуждение и возвращается с удвоенной силой. Поэтому врачу больную, разумеется, не показывали,

---

⁴ Соллонтхан – суп из говяжьих костей, относительно дорогой для описываемого в рассказе периода времени. Считается полезным для здоровья и очень питательным.

и узнать, чем же она была больна, возможности не было. Но даже и без точного диагноза было понятно, что болезнь эта была далеко не легкой: женщина не могла не то что толком подняться с постели, но даже лежать на боку ей было тяжело. Началось все это десять дней назад, когда его жена за ужином чуть не подавилась рисом. В тот день Чхомчжи тоже удалось заработать денег, и он принес домой плошку риса и немного дров для печки, а потом, по его словам, эта чертова бабенка так спешила приготовить ужин, что даже не дождалась пока огонь дотянется до котелка и толком сварит рис, и набросилась на него, словно в последний раз, позабыв о ложке и спешно запихивая рис себе в рот прямо руками, не успевая даже прожевать его, отчего ее щеки раздулись как у хомяка. И с того вечера начались стоны и причитания: то в груди у нее щемило, то живот крутило, то глаза закатывались в глазницы так, что становилось страшно, а все тело тряслось будто в припадке эпилепсии. Чхомчжи все это выводило из себя.

– Чертова баба, несчастье ты ходячее! Ест – болеет, не ест – болеет, и что мне прикажешь делать?! В глаза мне смотри, когда я говорю!

От нахлынувшей на него злости Чхомчжи ударил жену по лицу. От этого глаза ее немного прояснились, а на уголках век заблестели капельки слез. Чхомчжи почувствовал, как предательски краснеют и его глаза.

Жена, тем не менее, от него не отстала. Вот уже три дня

как она начала клянчить у него тарелку соллонтхана. Эта просьба в очередной раз разозлила мужа.

– Чего?! Какой еще соллонтхан? Да ты рис толком проглотить не можешь, соллонтхан ей, видите ли, подавай!

Однако на душе у него все равно было беспокойно.

И вот теперь он мог купить тарелку соллонтхана. И мог даже купить тарелку каши для своего трехлетнего спиногрыза, который постоянно кричал от голода возле болеющей матери. Сжимая 80 чон в кулаке, Чхомчжи чувствовал себя удовлетворенным и довольным жизнью.

Но удача его на этом не закончилась. Извозчик достал из кармана грязный платок, вытер влажную от пота и капелью дождя шею, и когда уже начал выходить из ворот школы обратно на большую дорогу, услышал позади себя крик: «Извозчик!» Он обернулся и посмотрел на позвавшего его молодого парня. Похоже было, что он учился в этой школе.

– Сколько до Намдэмуна? – бесцеремонно поинтересовался подросток.

«Наверное, домой на зимние каникулы собрался», – подумал Чхомчжи. Он явно хотел уехать уже сегодня, но дождь со снегом и слякоть на улице заставили его колебаться, да и багажа у него, скорей всего, было много... А тут увидел повозку и выскочил, чтобы его позвать. А иначе чего бы он выбежал сюда во двор школы под этот противный дождь в своей школьной форме, даже толком не успев надеть обувь?

– Вы имеете в виду вокзал «Намдэмун»?

Чхомчжи ненадолго задумался. Хотелось ли ему в этот бьющий прямо в лицо холодный дождь тащиться в такую даль? Да и стоило ли это делать, ведь 80 чон и так были уже у него в кармане? Нет, это было ни то ни другое. Удивительно, но у него засосало под ложечкой от того количества удачи, которое свалилось на его голову в этот непогожий день. Невольно в его голове всплыло воспоминание о сегодняшнем утре, когда он уходил из дома. После того как за ним пришли от хозяйки соседнего дома, его жена посмотрела на него молящими глазами, единственным, что осталось живым на ее высохшем почти до черепа лице.

– Пожалуйста, не уходи сегодня, очень тебя прошу, не стоит. Мне так больно...

Ее голос был не громче писка комара, а дыхание прерывалось глубокими клопочущими звуками, доносившимися из груди.

Чхомчжи собрался выходить, словно ничего важного не происходит, когда его жена схватила его за руку.

– Вот глупая баба, хватит чушь городить! И что мне теперь, по-твоему, дома сидеть? А деньги с неба посыплются? Ты ж думай, что говоришь!

– Тогда, пожалуйста, возвращайся скорее...

Ее слабый голос словно преследовал его, когда он выходил из дома. И сейчас, когда Чхомчжи предложили поездку до вокзала, слабо трясущиеся руки его жены, удивительно большие и влажные глаза и молящее выражение ее лица

снова встало у него перед глазами.

– Да, вокзал «Намдэмун». Ну так сколько?

Студент смотрел на него торопящим взглядом и пробормотал про себя «Вроде был один поезд до Инчхона в 11, а потом в два часа».

– Одна вона пятьдесят чон.

Ответ вылетел из уст извозчика, и он сам тут же испугался грандиозности названной им суммы. Когда такое было последний раз, чтоб с его губ срывалась такая большая сумма? Жадность до денег на миг затмила его разум и заглушила голос совести, волнующийся за больную жену. Что может случиться за один день? А упускать такую возможность не хотелось, уж очень редкой была удача и слишком много она сулила.

Парень наклонил голову.

– Дороговато, полторы воны-то.

– Никак нет! Это ж ли⁵ пятнадцать отсюда, никак не меньше. Да и погода вон какая, в такой день не грех бы и сверху накинуть, за дождик-то.

На лице извозчика расплылась жадная ухмылка.

– Ладно, дам, сколько просите. Только давайте быстрее.

Снисходительно бросив ответ, студент поспешно скрылся в здании школы, убежав за вещами и одеждой.

---

⁵ Ли – мера длины в старой Корее, равная 393 метрам. 15 ли – это почти 6 километров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.